

УДК 94(571.1)

ББК 63.3 (253.3)

Формирование административно-хозяйственного каркаса земельно-арендного хозяйства Кабинета на Алтае в 1855–1883 гг.*

А.Е. Кухаренко¹, А.В. Сквородников², Н.В. Куденко¹

¹Научно-исследовательская компания «Kuko.Science» (Барнаул, Россия),

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Formation of the Cabinet Administrative and Economic Land-Lease Framework in Altai in 1855–1883

A.E. Kukharensko¹, A.V. Skovorodnikov², N.V. Kudenko¹

¹Scientific Research Company “Kuko. Science” (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается процесс поступательного формирования специфической системы управления земельно-арендными отношениями в Алтайском горном округе, которая была обозначена авторами как «каркасная модель», на начальном этапе существования земельно-арендной отрасли Кабинета Его Императорского Величества с момента ее возникновения в 1855 г. до проведения административной реформы в 1883 г. Теоретико-методологической основой для построения исследовательской модели стала характеристика «пространства» в качестве методологического подхода при анализе различных процессов, инструментом анализа сложного взаимодействия различных систем и институтов с вариативным набором закладываемых параметров. Благодаря разработанной теоретической конструкции и на базе источниковых материалов делается вывод, что каркас земельно-арендного хозяйства представлял собой совокупность разбросанных по территории округа отдельных районов, где существовали условия, необходимые для организации земельно-арендного хозяйства. Каркас преследовал цели управления новыми оброчными статьями и контроля над нарастающей землеэксплуатацией населения. Авторы реконструируют конкретные звенья указанного каркаса, указывают на их особенности, отмечают неоднородность всего административно-хозяйственного пространства отрасли и предлагают иерархическую модель для оценки степени влияния и управленческого воздействия со стороны звеньев каркаса на окружающие их территории.

Ключевые слова: Алтайский горный округ, Кабинет Его Императорского Величества, земельная аренда, земельно-арендная отрасль, оброчные статьи.

The article considers the process of progressive formation of a specific management system for land and lease relations in the Altai mining district which was designated by the authors as a “framework model”, at the initial stage of the land-lease branch of the Cabinet of His Imperial Majesty from its inception in 1855 until the administrative reform in 1883. The theoretical and methodological basis for constructing a research model was the characterization of “space” as a methodological approach in the analyzing different processes and as analysis tool complex interaction of different systems and institutions with variative set parameters. Due to the developed theoretical approach and on the basis of source materials, it is concluded that the frame of the land-lease economy was a set of separate districts scattered throughout the county where the necessary conditions for the organization of land-lease facilities were provided. It pursued the goal to manage people through labour-rent clauses and control of increasing land exploitation. The authors reconstruct the concrete elements of this framework, point out their features, note the heterogeneity of the entire administrative and economic space of the industry, and propose a hierarchical model for assessing the degree of influence and managerial influence from the parts of the framework to the surrounding areas.

Key words: Altai mining district, Cabinet of His Imperial Majesty, land lease, land lease industry, land lease articles.

DOI 10.14258/izvasu(2018)2-09

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439.

История хозяйства и управления Алтайского (горного) округа, подведомственного Кабинету Его Императорского Величества (далее — Кабинет), во второй половине XIX — начале XX в. представляет собой процесс капиталистической модернизации и трансформации от закрытого хозяйства, основанного на принудительном труде и имевшего монопрофильную горнозаводскую направленность, к открытой административно-хозяйственной системе, построенной на использовании вольнонаемной рабочей силы и диверсификации структуры хозяйства, т.е. эксплуатации различных природных ресурсов региона (лес, земля, недра, соляные озера, реки и водоемы).

В контексте модернизации и трансформации алтайского производственно-территориального комплекса особое положение занимало земельно-арендное хозяйство, которое находилось на стыке самых разнообразных социально-экономических и административных процессов региона, хронологически совпадало с запуском и постепенным развертыванием кардинальных капиталистических изменений в административно-хозяйственной структуре Алтайского (горного) округа, выступая маркером сложной динамики процессов модернизации и трансформации всего комплекса, а также эволюции его основных сегментов.

Во второй половине XIX в. земельно-арендная отрасль проделала достаточно специфический путь своего становления и формирования, который целесообразно обозначить как «каркасная модель». Теоретико-методологической основой для таких обобщений стали концепция диффузионизма [1, с. 152–183], использованная в контексте структурно-институционального подхода, что позволило нам применять такую характеристику, как «пространство», в качестве методологического подхода при анализе различных процессов, как инструмент описания и анализа сложного взаимодействия различных систем и институтов с максимально вариативным набором закладываемых параметров.

Каркасная модель дала возможность понять и объяснить характер развития земельно-арендного хозяйства, а также интерпретировать, реконструировать и систематизировать большое количество разнообразных и часто разрозненных фактов эволюции земельных отношений в округе, предоставив рабочую модель для дальнейших исследований огромного массива сохранившихся источников по данному вопросу. Опробованная кабинетской администрацией модель, названная нами каркасной, сформировала основную пространственную структуру развития земельно-арендных отношений в округе, определила развитие отрасли почти на полвека вплоть до начала XX в., а по некоторым направлениям повлияла на развитие региона и его хозяйства вплоть до 1917 г. Нами рассмотрен вопрос появления и становления

так называемой каркасной структуры земельно-арендного хозяйства в Алтайском (горном) округе в период начального этапа формирования административно-хозяйственной политики Кабинета в данной отрасли с 1855 по 1883 г.

Историография проблем изучения политики Кабинета в земельно-арендной отрасли Алтайского (горного) округа характеризуется в основном фрагментарным анализом состояния хозяйства, действовавшей структурой управления и вопросами административно-хозяйственного районирования округа, в то время как попыток рассмотреть эволюцию земельно-арендного хозяйства округа на всем протяжении его существования, а тем более охарактеризовать политический курс Кабинета в этой области практически не предпринималось. Наиболее системными и насыщенными фактическим материалом попытками в данном направлении являются работы дореволюционных исследователей и служащих П.А. Голубева [2, с. 415–420], С.П. Швецова [3], а также официальные обзоры, посвященные 150-летию Алтайского округа, обзору деятельности Министерства двора в правление Александра III [4, с. 35–52], истории Кабинета [5, с. 47–52, 78–84] и округа начала XX в. [6, с. 21–135, 179–196]. В советский период и на современном этапе попытки целостно представить отдельные аспекты политики ведомства и структуру земельно-арендного хозяйства связаны с работами Е.И. Соловьевой [7, с. 139–152; 8, с. 193–202], Н.В. Юдиной [9, с. 130–144], Н.А. Упорова, А.А. Храмова, Т.Н. Соболевой [10, с. 146–155; 11, с. 142–148; 12, с. 233–266], И.А. Якимовой [13, с. 194–215; 14, с. 143–144], Т.К. Щегловой [15, с. 109–120, 302–306; 16, с. 43–51, 53]. Другая особенность историографической ситуации связана с рассмотрением проблем арендных отношений в регионе в контексте других тем, например, мукомольного дела и обрабатывающей промышленности в целом, развития сельского хозяйства и землепользования на Алтае, реформы 1861 г., землеустройства, колонизации округа, казенной аренды. С указанных позиций земельно-арендные отношения в Алтайском округе рассматриваются в работах Л.Ф. Склярова, Л.М. Горюшкина, Т.П. Прудниковой, В.Г. Тюкавкина, А.П. Бородавкина, Г.П. Жидкова, А.Т. Топчия, В.Н. Худякова, И.А. Асалханова, И.В. Островского, А.М. Мариупольского, М.О. Тяпкина, Ю.Н. Москвитина, П.А. Афанасьева, М.В. Дорофеева, а также в коллективном труде «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма». Хозяйство земельно-арендной отрасли представлено в историографии отрывочно, в то время как вопросы политики даны в публикациях изолированно, без цельного и системного анализа, а также без серьезного методологического обоснования.

Официально сдача земель округа в аренду была разрешена в 1855 г. [17, с. 52–54], однако говорить о сформировавшемся земельно-арендном хозяйстве можно только применительно к 60-м гг. XIX в. Хозяйственное пространство земельно-арендной отрасли носило очаговый характер, так как арендные отношения возникали там, где имелись для этого условия. Появление аренды в Бель-Агачской степи, вокруг Барнаула и Бийска было связано с наличием крупного контингента перспективных арендаторов, связанных с длительным опытом землеэксплуатации указанных территорий со стороны населения. Еще одним источником появления оброчных статей стали земли вблизи заводов и рудников, так как в прежние годы окружавшие их земли целенаправленно заселялись согласно интересам горного хозяйства, порождая неравномерность в окружном землепользовании [18, с. 172]. Из-за «дарового пользования» сенокосами заводских служащих, злоупотреблений администрации и конфликтов с населением по поводу совместных выгонов [19, л. 22об.–23об.] заводские территории, служившие подспорьем и почти единственным источником удовлетворения возраставших потребностей населения, давали низкий доход. Тем не менее именно пространства вокруг заводов и рудников выступали основной для активизации и насыщения хозяйственной жизни региона, став важным элементом в структуре земельно-арендной отрасли.

С административной точки зрения руководство земельно-арендным хозяйством округа лежало на Алтайском горном правлении, которое в условиях отсутствия специальной системы управления арендой поручило этот процесс местным горным чиновникам. Такая практика утвердилась в округе с 60-х гг. XIX в. и использовалась до административной реформы 1883 г., когда конторы передали свои функции горнозаводским управлениям [20, л. 5–5об.; 21, л. 2, 137–137об., 170–170об., 173–173об., 181–181об.; 22, л. 524–524об.; 23, л. 28; 24, л. 125–126об.]. Причем заводские и рудничные конторы управляли арендой не только в районах, окружавших промышленные объекты, но и в отдаленных местностях. В такой ситуации сложно признать распоряжение земельным ресурсом эффективным, тем более, что кабинетские чиновники в 60–80-е гг. исходили из соображений, что развитие аренды в округе не должно было мешать или как-то негативно сказываться на горной промышленности [25, л. 305об.]. Однако появление оброчных статей и процесс дальнейшего распространения арендных отношений были привязаны к тем территориям, где имелись необходимые административные условия — минимальный контроль и наблюдение, частичное сдерживавшие самовольное пользование землями. Если не удавалось организовать даже минимально-

го контроля, население зачастую пользовалось кабинетской землей по своему усмотрению [26, л. 2].

Таким образом, в силу определенных обстоятельств постепенно складывался своеобразный административно-хозяйственный «скелет» (или «каркас») земельно-арендного хозяйства Кабинета в округе, который выступал опорой в эксплуатации земельного имущества с помощью аренды. Дальнейшее развитие этого каркаса происходило путем либо появления, насыщения и концентрации арендными отношениями районов вокруг тех административных образований, которые обеспечивали необходимое сопровождение для финансово-экономических процедур, либо расширения хозяйственного пространства на территории, не имевшие рядом управленческих структур, и постепенного включения их через промежуточные формы в административный каркас в качестве самостоятельного звена. В частности, с 1855 по 1883 г. звеньями каркаса выступали горные учреждения и окружная администрация, а примерами обратной зависимости стали Бель-Агачская степь и арендный район возле Бийска, куда по мере роста их доходности были назначены специальные чиновники.

Данные по составлению сметного назначения на 1884 г. помогли нам выявить каркас отрасли, сформировавшийся в 60–70-х гг. XIX в. В него вошли Барнаульский, Павловский, Локтевский, Змеевский, Сузунский заводы, Салаирский, Риддерский и Сокольный, Зырянский и Заводинский рудники, смотритель Усть-Каменогорской пристани, управляющий медными рудниками, Колыванская и Змеиногорская горные конторы [20, л. 5–5об., 56–60]. Указанные единицы имели в своих заводских дачах оброчные статьи. Однако общее количество заводских дач в округе по данным за 1883–1885 гг. равнялось 32. Это позволяет сделать вывод о том, что далеко не все заводские и рудничные конторы выполняли роль каркаса для арендных отношений, не имея на своих землях арендаторов. Тем не менее эту территорию относили к ближайшему ресурсу отрасли [19, л. 22–22об.].

Алтайское горное правление занимало двойственную позицию. Оно являлось руководителем всего каркаса, управляя им и принимая те денежные средства, которые арендаторы вносили даже в случае нахождения своих статей в административно-хозяйственном пространстве заводских и рудничных учреждений. Но при этом окружная администрация сама занимала положение звена, аккумулировавшего вокруг себя оброчные статьи возле Барнаула. Как свидетельствуют источники, управляющий Барнаульского завода имел в своем распоряжении лишь сенокосные угодья заводской дачи, которые сдавались в основном служащим завода, в то время как основной массив оброчных статей находился под управлением второго отделения Алтайского горного правления [20, л. 16–16об.].

Одним из важнейших элементов каркаса являлась Бель-Агачская степь, которая в силу своего специфического и уникального положения являлась передовым хозяйственным районом и «управленческим полигоном» [27, с. 127–131], выступая в качестве источника для выработки правил, нормативов, «таксировок» и постановки земельно-арендной отрасли в округе [26, л. 2об., 6]. Первоначально, находясь под управлением Локтевской горной конторы, а затем конторского чиновника, степь заняла промежуточное положение в административном каркасе, после назначения из окружной администрации специального чиновника особых поручений Айдарова в 1875 г. стала самостоятельной «ячейкой» [19, л. 18; 24, л. 1–11об., 19–19об., 21об.; 25, л. 30боб.; 28, л. 1], что явилось первым опытом апробации во многом вынужденного применения к новой отрасли непрофильной системы управления. Еще до этого в 1871 г. Бель-Агачская степь была передана из ведения томской губернской администрации в Семипалатинскую область, сохранив хозяйственное подчинение кабинетскому ведомству и свое нахождение в составе Алтайского горного округа [24, л. 48–48об.; 29, л. 14–15] в надежде качественно улучшить управляемость региона. Однако дальнейшая практика показала, что решение Кабинета было ошибочным. Ситуация в степи только ухудшилась, так как семипалатинские органы власти выполняли свою работу крайне плохо, некачественно, а иногда и просто игнорировали накопившиеся проблемы. В результате возникла ситуация, когда кабинетская хозяйственная власть, неправомочная во многих вопросах, часто выступала единственным источником наведения хоть какого-нибудь порядка. Руководить арендой стало еще труднее, так как население прекрасно понимало выгоды своего положения в условиях «безвластия». Одним из следствий стали хищническая эксплуатация и активное выпаживание земли, уже вскоре создавшие экологическую проблему для этого района. Бель-Агачская степь занимала передовое положение в земельно-арендной отрасли, хотя охватывала всего 4% территории округа. Хотя в 1879–1881 гг. ее вклад в пополнение финансов от земельно-арендного хозяйства колебался от 17,5 до 30,5% [28, л. 1–1об.].

Следующим элементом каркаса являлся Бийский арендный район, ставший к началу 80-х гг. XIX в. местом довольно интенсивного развития аренды [20, л. 56–60, 61–66]. Рядом не имелось административных образований, которые смогли бы обеспечить ему адекватные управление и контроль. Поступление арендных платежей в основном шло через Барнаульское отделение кассы, а сама территория относилась к пустолежащим землям, т.е. не входила ни в одну земельную дачу [20, л. 56–60]. Поэтому окружная администрация в 1881–1883 гг. распро-

стрилила на Бийский район опыт Бель-Агачской степи, ежегодно командировав специального чиновника или межевщика для сбора аренды [19, л. 27].

Представленная модель административно-хозяйственного каркаса требует от исследователя оперирования — хозяйственным и административным пространством, эти категории, в свою очередь, не были однородными. Каждая ячейка административного каркаса имела определенную «зону влияния», охватывавшую все административно-хозяйственное пространство, которое можно диверсифицировать на «первичное» и «вторичное». С помощью термина «первичное пространство» мы признаем наличие непосредственного звена управления в виде административного образования или специального чиновника, обеспечивавшего административное сопровождение хозяйственного пространства. «Вторичное пространство», на наш взгляд, это те территории, где не было подобного элемента управленческого каркаса и адекватного административного сопровождения, поэтому существовал минимальный, непостоянный уровень влияния кабинетских служащих на реальную ситуацию в арендном районе, формальный контроль и периодическое наблюдение. Поэтому вторичное хозяйственное пространство с имевшимися оброчными статьями было относительно нестабильным, так как некоторые территории переходили в разряд «первичных», если на месте появлялся чиновник, как это произошло с Бийским арендным районом и Бель-Агачской степью, или превращались в самовольные пользования, когда представители администрации не появлялись несколько лет. В практике использовался термин «пустолежащие» земли, на которых распространялись оброчные статьи [20, л. 56–60]. Его можно условно назвать формальным критерием для примерного выделения вторичного пространства. Значение термина «пустолежащие» раскрыл в своей работе С.П. Швецов, определив его как «свободные земли, не приграничные ни к какому поселению» [3, с. 5–6.], т.е. территории за пределами кабинетских заводских дач и крестьянских земель.

Таким образом, под «первичным» пространством понимается совокупный административно-хозяйственный каркас, а под «вторичным» — та часть земельно-арендной отрасли, которая находилась за гранями каркаса, но функционировала и тяготела к нему, стремясь постепенно перейти в разряд «первичного». Стоит отметить, что принадлежность территорий к указанным пространствам не была напрямую связана с их доходностью, так как, например, в 1879–1882 гг. доход от аренды сенокосных участков в районе «первичного» Барнаульского завода колебался на уровне от 48,80 до 98 руб. [20, л. 4, 16–16об.], и в это же время «вторичное» пространство выступало источником почти трети доходов от аренды, в основном за счет оброчных статей под Бийском.

Следующим элементом представленной модели являются «нулевая», или «слепая» зона административного пространства и «потенциальная» зона хозяйственного пространства, что в первом случае означало полное отсутствие административного сопровождения, во втором — полное отсутствие оброчных статей. Теоретически вся территория округа подлежала формальному контролю Алтайского горного правления, а значит, потенциально требовала включения в первичное или вторичное пространство отрасли.

Постепенное развитие арендных отношений в округе и соответствующее расширение хозяйственного пространства земельно-арендной отрасли, опиравшиеся на административный каркас, расплзались по округу. Это приводило к тому, что административное сопровождение не успевало за расширением количества реальных и потенциальных оброчных статей. Большая часть округа находилась вне возможности чиновников учреждать, управлять, контролировать оброчные статьи и самовольное пользование населением земель Кабинета, тем более в условиях неоднозначного отношения самого чиновничества к устройству оброчных статей.

В условиях расширявшегося кабинетского хозяйства и невозможности ведомственной системы управления успеть за данным процессом каркас земельно-арендной отрасли приобрел еще один специфический, но важный элемент, обозначенный нами как «интеграционный компонент административного каркаса». Под этим компонентом мы понимаем взаимодействие гражданских и кабинетских властей, но прежде всего передачу гражданской администрации части функций по управлению и администрированию целым комплексом свободных земель, находившихся вне контроля кабинетских служащих и разбросанных по всему округу. Речь идет о вовлечении в этот процесс прежде всего волостных правлений [19, л. 14–16; 24, л. 152об.; 30, л. 7]. Возникновение такого явления, по всей видимости, связано как со спецификой

региона и функционирующих в нем систем власти, так и с предыдущим опытом взаимодействия ведомственной администрации с гражданскими структурами по различным вопросам, не говоря уже о том, что для Кабинета это была вынужденная мера.

В результате с момента разрешения аренды в 1855 г. и вплоть до 1883 г. в Алтайском горном округе в силу совокупности самых разных и иногда противоречивых обстоятельств сложилась земельно-арендная отрасль. Кабинет, с одной стороны, разрешил и обозначал задачу формирования аренды в округе, с другой стороны, не имел целенаправленной ведомственной политики развития земельно-арендных отношений. Приоритетом оставалось горное дело, которому подчинялись все другие ресурсы данной территории. Вплоть до 60-х гг. XIX в. аренда носила эпизодический и бессистемный характер, лишь в некоторых моментах формируя зачатки будущего земельно-арендного каркаса, как например, Бель-Агачская степь и использование земельных ресурсов вокруг отдельных промышленных заведений. Тем не менее практиковавшийся догоняющий тип управления и прецедентный характер действий ведомственной бюрократии в земельно-арендной сфере не помешали ей в какой-то мере учесть возникавшие запросы и потребности населения, а также выработать при сохранившихся базовых параметрах совокупной административно-хозяйственной конструкции окружной системы управления достаточно прагматичный ответ на собственную потребность сохранить во многих случаях хотя и малоэффективный, но все же контроль над земельными и земельно-арендными отношениями на Алтае в условиях радикально изменившихся обстоятельств существования кабинетского хозяйства. В результате, мы можем констатировать поступательное накопление оброчных статей и формирование определенных административно-хозяйственных зон, разбросанных по округу, которые к рубежу 1870–1880-х гг. сложились в то, что мы в своем исследовании обозначили как «каркас земельно-арендной отрасли».

Библиографический список

1. Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. — 2000. — № 5–6.
2. Голубев П.А. Арендное хозяйство Кабинета // Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. — Томск, 1890.

3. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе. Т. 1: Частная обрабатывающая промышленность в Алтайском округе. Барнаул, 1896.
4. Обзор деятельности Министерства Императорского Двора и Уделов за время царствования в бозе почившего государя императора Александра III (1881–1894 гг.). — СПб., 1901. — Ч.1, кн. 1.
5. Обзор деятельности Кабинета Его Императорского Величества за 1906–1915 годы. — Пг., 1916.

6. Обзор деятельности округа за пятилетие 1911–1915 гг. — Барнаул, 1916.
7. Соловьева Е.Н. Арендное хозяйство на кабинетских землях Алтайского округа // Бахрушинские чтения 1966 г. — Вып. II. — Новосибирск, 1968.
8. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. — Новосибирск, 1981.
9. Юдина Н.В. Внеадельная аренда в Алтайском горном округе во второй половине XIX в. // Из истории Алтая. — Томск, 1978.
10. Соболева Т.Н. Управление кабинетским земельно-арендным хозяйством на Алтае в конце XIX в. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. — Томск, 1989.
11. Соболева Т.Н., Гончарова Е.З. Причины выбора кабинетской бюрократии модели комплексного руководства земельно-лесным хозяйством Алтайского округа (1896–1911 гг.) // Третьи научные чтения памяти Ю.С. Булыгина. — Барнаул, 2005.
12. Соболева Т.Н. Управление Алтайского (горного) округа и Змеиногорского края в 1861–1917 гг. // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). — Барнаул, 1999.
13. Якимова И.А. Эволюция форм землевладения в старожильческих крестьянских общинах на Алтае во второй половине XIX в. // Население. Управление. Экономика. Культурная жизнь Сибири XVIII — начала XX вв. — Барнаул, 2003.
14. Якимова И.А. Арендные отношения в крестьянских обществах Алтайского горного округа во второй половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. — Барнаул, 2009.
15. Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX — начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. — Барнаул, 2001.
16. Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. — Барнаул, 2002.
17. Кухаренко А.Е. Возникновение земельно-арендной отрасли в Алтайском горном округе в 1855 г. (формально-юридический аспект) // Актуальные вопросы истории Сибири: Восьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. — Барнаул, 2011.
18. История Алтая. — Барнаул, 1995. — Ч. 1.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 468. — Оп. 23. — Д. 895.
20. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 3. — Оп.1. — Д. 567.
21. ГААК. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 755.
22. ГААК. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 787.
23. ГААК. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 998.
24. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 2144.
25. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 156.
26. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 3573.
27. Кухаренко А.Е. Начальный период формирования «управленческого полигона» земельно-арендного хозяйства Кабинета на Бель-Агачской степи Алтайского горного округа в 60-х гг. XIX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История, политология. 2011. № 4/1.
28. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 23. — Д. 930.
29. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 23. — Д. 594.
30. ГААК. — Ф. 163. — Оп. 1. — Д. 168.